письменности, — говорит он, — когда перешло в нее много западных повестей и романов, появляются и слабые начатки самостоятельной русской повести. Нет сомнения, что в старой словесности нашей не могла сколько-нибудь полно развиться эта литературная форма, и то, что может быть отнесено у нас к этому разряду произведений, не имеет никакого определенного характера. У нас невозможны были, конечно, истории с рыцарскими похождениями и романтической любовью, но русская повесть могла исполнить свое назначение и быть любопытным памятником литературы, если бы верно рисовала отличительные черты русской действительности. Как можно было пользоваться фактами нашего старинного быта, показывают отчасти немногие опыты русской повести, известные теперь по рукописям». Напр., повесть о Савве Грудцыне.[1]

Переходя к более подробной характеристике нашей повести, Пыпин замечает: «Сказание о Савве Грудцыне есть какое-то соединение нравоучительной повести с историческим рассказом; в нем нет той живости изложения, какою отличается Фрол Скобеев, нет и такой одушевленной картины нравов, нарисованной по поводу приключений героя. Нравоучительное направление, которым проникнута наша повесть, было общею наклонностью того времени, и сочинителю трудно было от нее освободиться; при всем том изложение не так страдает от этого, как можно было бы ожидать».[2] Таким образом, А. Н. Пыпина интересует прежде всего вопрос о том — вылилась ли в XVII в. русская оригинальная повесть (подобная «Повести о Савве Грудцыне») в определенную художественную форму. На этот вопрос он отвечает отрицательно. Вопрос об отражении в «Повести о Савве Грудцыне» старинного русского быта А. Н. Пыпиным решается очень обще, без конкретного указания — быт какого именно социального слоя в данной повести отражен. С особой настойчивостью А. Н. Пыпин отмечает нравоучительный характер «Повести о Савве Грудцыне».

Замечания, высказанные А. Н. Пыпиным, неоднократно повторялись последующими исследователями повести о Савве Грудцыне.

В 1859 г. повесть о Савве Грудцыне была впервые издана по рукописи первой половины XVIII в., принадлежащей Е. Д. Филимонову, во

[1] См. назв. соч., стр. 278. Выше, стр. 11—12, мы находим у Пыпина эту же самую мысль, только несколько иначе выраженную: «Примеров легкой повести, — говорит он, — взятой из русского быта, в роде сказаний о Савве Грудцыне, истории о Фроле Скобееве, до сих пор известно очень мало, и они не составляют целого направления. Эти повести вообще любопытны по чертам народной жизни, но по характеру неопределенны, потому что не успели образоваться в отдельную независимую форму».

[2] Ibid., стр. 278.